

П. С. Романов

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П11

П11 **П. С. Романов**
Рассказы / П. С. Романов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 312 с.

ISBN 978-5-458-05716-5

Романов Пантелеймон Сергеевич (2.07[5.08]1884—8.04. 1938), писатель. Родился в с. Петровское, ныне Одоевского р-на Тульской обл., в мелкопоместной дворянской семье. Первый рассказ «Отец Федор» опубликован в 1911 в журнале «Русская мысль». В 1925 выпустил сборник «Рассказы». Сотрудничал в журналах «Красная новь», «Новый мир», «Прожектор», «Красная нива». Писал лирико-психологические («Осень», 1914, «Светлые сны», 1919, «Зима», 1923, и др.) и сатирические рассказы. Последние посвящены преимущественно эпохе гражданской войны, затем — нэпа. Писатель обличает в них спекуляцию («Пробки», 1922), бюрократическую неразбериху («Лабиринт», 1918, «Слабое сердце», 1921), косность, обывательщину, трусость, в лучших рассказах поднимаясь до сатирических обобщений. В произведениях, посвященных вопросам современного быта и морали (рассказ «Без черемухи», 1926, роман «Новая скрижаль», 1928, повесть «Товарищ Кисляков», 1930), Романов стремился показать «вред половой распущенности». В автобиографической повести «Детство» (1903—20, опубл. 1926) Романов идилично и весело мелкопоместный быт и пейзажи средней России. Сильная сторона повести — в правдивом изображении детской психологии. Роман-эпопея «Русь» (Ч. 1—5, 1922—36) рисует усадьбную Россию перед первой мировой войной, затем войну вплоть до февральской революции. Отдельные главы романа поднимаются до чрезвычайно высокой художественности. Стилистически «Русь» выдержана в традициях русского романа XIX в. В 1933 Романов опубликовал роман «Собственность» — о художнике, загубившем свой талант стяжательством. Романов умел подметить жизненные противоречия, подчас немногими штрихами нарисовать характер. Ему свойственны живой лиризм и юмор, мастерство диалога, ясный, реалистичный язык.

ISBN 978-5-458-05716-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Романов Пантелеймон

•

РАССКАЗЫ

Русская душа

Этюд

I

Профессор московского университета, Андрей Христофорович Вышнеградский, на третий год войны получил письмо от своих двух братьев из деревни — Николая и Авенира, которые просили его приехать к ним на лето, навестить их и самому отдохнуть.

«Ты уж там закись небось в столице, свое родное позабыл, а здесь, брат, жива еще русская душа», — писал Николай.

Андрей Христофорович подумал и, зайдя на телеграф, послал брату Николаю телеграмму, а на другой день выехал в деревню.

Напряженную жизнь Москвы сменили простор и тишина полей.

Андрей Христофорович смотрел в окно вагона и следил, как вздувались и опали бегущие мимо распаханые холмы, проносились чинимые мосты с разбросанными под откос шпалами.

Время точно остановилось, затерялось и заснуло в этих ровных полях. Поезда стояли на каждом полустанке бесконечно долго, — зачем, почему, — никто не знал.

— Что так долго стоим? — спросил один раз Андрей Христофорович. — Ждем, что ли, кого?

— Нет, никого не ждем, — сказал важный обер-кондуктор и прибавил: — нам ждать некого.

На пересадках сидели целыми часами, и никто не знал, когда придет поезд. Один раз подошел какой-то человек, написал мелом на доске: «Поезд № 3 опаздывает на 1 час 30 минут». Все подходили и читали. Но прошло целых пять часов, никакого поезда не было.

— Не угадали, — сказал какой-то старичок в чуйке.

Когда кто-нибудь поднимался и шел с чемоданом к двери, тогда вдруг вскакивали и все наперебой бросались к двери, давили друг друга, лезли по головам.

— Идет, идет!

— Да куда вы с узлом-то лезете?

— Поезд идет!

— Ничего не идет: один, может, за своим делом поднялся, все и шаркнули.

— Так чего ж он поднимается! Вот окаянный, посмотри, пожалуйста, перебаламутил как всех.

А когда профессор приехал на станцию, оказалось, что лошади не высланы.

— Что же я теперь буду делать? — сказал профессор носильщику. Ему стало обидно. Не видел он братьев лет 15, и сами же они звали его и все-таки остались верны себе: или опоздали с лошадьми, или перепутали числа.

— Да вы не беспокойтесь, — сказал носильщик, юркий мужичок с бляхой на фартуке, — на постоялом дворе у нас вам каких угодно лошадей предоставят. У нас на этот счет... Одно слово!..

— Ну, веди на постоянный двор, только не пачкай так чемоданы, пожалуйста.

— Будьте покойны... — мужичок махнул рукой по чехлам, перекинул чемоданы на спину и исчез в темноте. Только слышался его голос где-то впереди:

— По стеночке, по стеночке, господин, пробирайтесь, а то тут сбоку лужа, а направо колодезь.

Профессор, как стал, так и покатился куда-то с первого шага.

— Не потрафили... — сказал мужичок. — Правда, что маленько грязновато. Ну, да у нас скоро сохнет. Живем мы тут хорошо: тут прямо тебе площадь широкая, налево — церковь, направо — попы.

— Да где ты? Куда здесь идти?

— На меня потрафляйте, на меня, а то тут сейчас ямы извезочные пойдут. На прошлой неделе землемер один чубурахнул, насилу выгасдили.

Профессор шел, каждую минуту ожидая, что с ним будет то же, что с землемером.

А мужичок все говорил и говорил без конца:

— Площадь у нас хорошая. И номера хорошие, Селезневские. И народ хороший, помнящий.

И все у него было хорошее: и жизнь и народ.

— Надо, видно, стучать, — сказал мужичок, остановившись около какой-то стены. Он свалил чемоданы прямо в грязь и стал кирпичом колотить в калитку.

— Ты бы потише, что ж ты лупишь так?

— Не беспокойтесь. Иным манером их и не разбудишь. Народ крепкий. Что вы там, ай очумели все! Лошади есть?

— Есть... — послышался из-за калитки сонный голос.

— То-то вот, — есть! Переснете всегда так, что все руки обколотишь.

— Пожалуйте навех.

— Нет, вы мне приготовьте место в экипаже, я сяду, а вы запрягайте и поезжайте. Так скорее будет... — сказал Андрей Христофорович.

— Это можно.

— А дорога хорошая?

— Дорога одно слово — луб.

— Что?

— Луб... лубок то есть. Гладкая очень. Наши места хорошие. Ну, садитесь, я в одну минуту.

Андрей Христофорович нащупал подножку, сел в огромный рыдван, стоявший в сарае под навесом. От него пахнуло пыльным войлоком и какой-то кислотой. Андрей Христофорович вытянул на постеленном сене ноги и, привалившись головой к спинке, стал дремать. Изредка лицо его обвеивал свежий прохладный ветерок, заходивший сверху в щель прикрытых ворот. Приятно пахло дегтем, подстеленным свежим сеном и лошадьми.

Сквозь дремоту он слышал, как возились с привязкой багажа, продергивая веревку сзади экипажа. Иногда его возница, сказавши: «Ах ты, мать честная!», что-то чинил. Иногда убежал в избу, и тогда наступала тишина, от которой ноги приятно гудели, точно при остановке во время езды на санях в метель. Только изредка фыркали и переступали ногами по соломе лошади, жевавшие под навесом овес.

Через полчаса профессор в испуге проснулся с ощущением, что он повис над пропастью, и схватился руками за край рыдвана.

— Куда ты! Держи лошадей, сумасшедший!

— Будьте спокойны, не бросим, — сказал откуда-то сзади спокойный голос, сейчас другой бок подопру.

Оказалось, что они не висели над пропастью, а все еще стояли на дворе, и возница только собирался мазать колеса, приподняв один бок экипажа.

Едва выехали со двора, как начался дождь, прямой, крупный и теплый. И вся окрестность наполнилась равномерным шумом падающего дождя.

Возница молча полез под сиденье, достал оттуда какую-то рваную дрянь и накрылся ею, как священник ризой.

Через полчаса колеса шли уже с непрерывным журчанием по глубоким колеям. И рыдван все куда-то тянуло влево и вниз.

Возница остановился и медленно оглянулся с козел назад, потом стал смотреть по сторонам, как будто изучая в темноте местность.

— Что стал? Ай, заблудился?

— Нет, как будто ничего.

— А что же ты? Овраги, что ли, есть?

— Нет, оврагов как будто нету.

— Ну, так что же тогда?

— Мало ли что... тут, того и гляди, осунешься куда-нибудь.

— Да осторожнее! Куда ты воротись?

— И черт ее знает, — сказал возница, — так едешь — ничего, а как дождь, тут подбирай огузья...

II

Николай писал, что от станции до него всего верст 30, и Андрей Христофорович рассчитывал приехать часа через три. Но проехали 4–5 часов, останавливались на постоялом дворе от невозможной дороги и только к утру одолели эти 30 верст.

Экипаж подъехал к низенькому домику с двумя выбеленными трубами и широким тесовым крыльцом, на котором стоял, взгромоздившись, белый петух на одной ноге. Невдалеке, в открытых воротах плетневого сарая, присев на землю у тарантаса, возился рабочий с привязкой валька, помогая себе зубами и не обращая никакого внимания на приезжего.

А с заднего крыльца, подобрав за углы полукафтанье и раскатываясь галошами по грязи, спешил какой-то старенький батюшка.

Увидев профессора, он взмахнул руками и остался в таком положении некоторое время, точно перед ним было привидение.

— Ай ты приехал уж? Мы только собираемся посылать за тобой. Почему же на целый день раньше? Ай, случилось что?

— Ничего не случилось. Я же телеграфировал, что приеду 15, а сегодня 16.

— Милый ты мой! Шестнадцатое — говоришь?.. Это, значит, вчера листик с календаря забыли оторвать. Что тут будешь делать! Ну, здравствуй, здравствуй. Какой же ты молодец-то, свежий, высокий, стройный. Ну, ну-у...

Это и был младший брат Николай.

— Пойдем скорей в дом. Что ты на меня так смотришь? Постарел?

— Да, очень постарел...

— Что ж сделаешь, к тому идет... Ниже, ниже голову, — испуганно крикнул

он, — а то стукнешься.

— Что ж ты дверей себе таких понаделал?..

— Что ж сделаешь-то... — И он улыбался медлительно и ласково. — Да что ты все на меня смотришь?

Андрей Христофорович, раздеваясь, правда, смотрел на брата. Полуседые нечесанные волосы, широкое доброе лицо было одутловато и бледно. Недостаток двух зубов спереди невольно останавливал внимание. А на боку было широкое масляное пятно, в тарелку величиной. Должно быть, опрокинул на себя лампадку. Сначала, наверное, ахал и прикрывал бок от посторонних, а потом привык и забыл.

— Вот, братец, затмение-то нашло, — сказал он, кротко моргая и с улыбкой потирая свои вялые, пухлые руки.

— Какое затмение?

— Да вот с числом-то. — И он опять улыбнулся. — Отроду со мной ничего подобного не было.

— А где же Варя и девочки?

— Одеваются. Враспloch захватил. А, вот и они...

В дверях стояла полная, такая же, как и Николай, рыхлая женщина, со следами быстро прошедшей русской румяной красоты. Теперь все лицо ее расплылось, и сама она как-то обвисла. У нее тоже недоставало передних зубов.

Андрей Христофорович поздоровался и невольно подумал: «Как это можно так развестись?» Но у нее были такие хорошие, невинные детские глаза, и она так трогательно, наивно взглянула на гостя, что профессору стало стыдно своей мысли.

— Вот вы какой, — сказала она медленно и улыбнулась так наивно, что Андрей Христофорович тоже улыбнулся. — Я думала, что вы старый. — И, не зная, о чем больше говорить, прибавила:

— Пойдем чай пить.

К обеду пришла старушка со слезящимися глазами — тетя Липа. Она заслонила рукой глаза от света и долго рассматривала племянника.

— О, батюшка, да какой же большой ты стал! — сказала она и засмеялась, засмеялась так же, как Николай, как Варя, так наивно и по-детски радостно, что Андрей Христофорович опять невольно улыбнулся.

Обед состоял из окрошки с квасом и щей, таких горячих и жирных, что от них даже не шел пар, и стояли они, как расплавленная лава. Жаркое потонуло все в масле.

— Что ж это вы делаете? — сказал Андрей Христофорович.

— А что? — испуганно спросил Николай.

— Да ведь это надо луженые желудки иметь, — жиру-то сколько.

Николай успокоился.

— Волков бояться — в лес не ходить, — сказал он. — Нельзя, милый, нельзя, для гостя нужно получше да пожирней. А ты гость. — И он, ласково улыбувшись, дотронулся до спины брата. — А кваску что же?

— Нет, благодарю, я квасу совсем не пью.

— Вот это напрасно. Квас на пользу, — сказал Николай.

А Липа добавила ласково:

— Если с солью, то от головы хорошо, ежели с водкой, то от живота. Вот

Варечку этим и отходила зимой.

— А что у нее было?

— Живот и живот, — сказал Николай, сморщившись и махнув рукой.

— У меня под ложечку очень подкатывается, — сказала Варя. — Как проснешься утром, так и сосет и томит, даже тошно. А слюни вожжой, вожжой.

— Что? как? — переспросил Андрей Христофорович.

— Вожжой, — сказал Николай.

— Умирала, совсем умирала, — сказала Липа, горестно глядя на Варю.

— Так это у нее и есть катар. Ей ничего жирного, ни кислого нельзя, умереть можно.

— Нет, бог милостив, квасом с водкой отходили, — сказала Липа.

— Тебе бы нужно ее в Москву свозить, — сказал Андрей Христофорович, обращаясь к Николаю.

— Что вы, что вы, бог с вами! — воскликнула Варя.

— Еще вырезать что-нибудь начнут, — сказала Липа. — Она вот тут обращалась к доктору, а он ей воду прописал, боржом какой-то... Пьет и хоть бы что, — все так же.

Ели все ужасно много и больше всех Липа. Так что даже девочки останавливали ее.

— Бабушка, довольно вам, перестаньте, Христа ради.

После холодного кваса, который наливали по целой тарелке, по две, ели огневые жирные щи, потом утку, которая вся плавала в жиру, потом сладкий пирог со сливками. Потом всех томила жажда, и они опять принимались за квас. А Варя, наклонив горшочек с маринадом, нацеживала в ложку маринадного уксуса и пила.

— Ну, что вы делаете, Варя? — крикнул Андрей Христофорович.

Варя испугалась и уронила ложку на скатерть. Все засмеялись.

— К нечаянности... — сказала Липа.

— Да она уж привыкла к маринаду, — сказал Николай, — это жажду хорошо унимает. Ты попробуй, немножко ничего.

Он подставил свою ложку, выпил и, весь сморщившись, крикнул, посмотрев на брата одним глазом. Все смотрели то на него, то на гостя и улыбались.

Варя ела все и всего по целой тарелке. После этого пила уксус из маринада, а после уксуса боржом.

И опять все рассказывали, как в прошлом году она умирала от живота.

III

После обеда Николай повел брата отдохнуть в приготовленную для него комнату.

— Вот окошечко тебе завесили. Варя и кваску поставила на случай, если захочется.

— У вас день как распределяется? — спросил Андрей Христофорович.

Николай не понял.

— Как распределяется? Что распределяется?

— Ну, когда вы встаете, работаете, обедаете?

— Ага! Да никак не распределяется. Как придется. Живем неплохо и стеснять себя незачем. И ты, пожалуйста, не стесняйся. Я вот нынче встал в три часа:

собаки разбудили, пошел на двор, посмотрел, а потом захотелось чаю, сказал Варя самовар поставить, а в 8 часов заснули оба. Так и идет. Ну, спи, а мне надо тут съездить версты за три.

И Николай, мягко улынувшись, ушел, осторожно ступая на носки, как будто Андрей Христофорович уже спал. А потом ходил по всему дому, натыкался на стулья и искал шляпу. Только и слышалось:

— Где же она? Вот чудеса. Отроду со мной ничего подобного не было.

Когда Николай вернулся, Андрей Христофорович не спал и, стоя поодаль от кровати, смотрел на нее, как будто там обнаружилось что-то живое.

— Что ты? — спросил с треногой Николай.

— Не знаю, как тебе сказать... У тебя тут столько клопов...

Николай освобождение вздохнул.

— Фу-ты! Я уж думал, какая-нибудь неприятность... Что же, кусались? Ах, собаки! Нас что-то не трогают.

— Никогда, — подтвердила подошедшая Варя. — Это они на свежего человека полезли. А вот суток трое пробудете, они успокоятся. Я их, пожалуй, помажу чем-нибудь.

После чаю все сидели на крыльце и смотрели, как гасли вечерние облака на закате и зажигались первые звезды.

— Какой воздух! — сказал профессор.

— Воздух? Да ничего, воздух хороший. У нас, милый, и все хорошо.

— Что ж так сидеть-то, может быть, яблочка моченого принести? — сказала Варя, которая никогда не могла сидеть с гостями без еды.

Профессор отказался от моченых яблок.

— Ты для деревни надел бы что-нибудь попроще, а то смотреть на тебя жалко, — сказал Николай, посмотрев на воротнички и манжеты брата. — У нас, милый, тут никто не увидит.

— Зачем же, я всегда так хожу.

— Всегда? Господи! — удивилась Варя. — Вот мука-то.

— Да, — сказал Николай, — каждый день одеваться да чиститься, — это с тоски помрешь. Это ты, должно быть, за границей захватил.

— Право, мне не приходило в голову, откуда я это захватил.

— Нет, это оттуда, — сказал Николай и стал смотреть куда-то в сторону. Потом повернулся к брату и сказал: — И сколько ты, милый, исколесил на своем веку?

— Да, я много путешествовал. В прошлом году был в Италии.

— В Италии! — сказала Варя.

— Потом во Франции, в Англии.

— В Англии! — сказала Варя. — Господи!

— И как тебе это не надоело? — сказал Николай.

— Он вот не любит, — подтвердила Варя. — Мы как к отцу на именины поедем на три дня, так он по дому сучает, ужас!

— Отчего же надоест? Посмотреть, как живут другие люди...

— Ну, чего нам на других смотреть!

— Как чего? Разве не интересно вообще узнать что-нибудь новое?

— Узнавай не узнавай, все равно всего не узнаешь, как говорила Варина бабушка, — сказал Николай.

— Дело не в том, чтобы все узнать, а чтобы приобщиться к иной, более высокой жизни. Я, например, говорил по телефону за две тысячи верст и испытывал почти религиозное чувство перед могуществом ума человеческого...

— Пошла прочь, шляется тут, — шепотом сказала Варя кому-то.

Андрей Христофорович оглянулся.

— Это соседская гусыня повадилась к нам.

— Ну, ты уж напрасно так этим восторгаешься, — сказал Николай, положив ногу на ногу. — В этом души нет, духовности, а раз этого нет, нам задаром его не нужно, — заключил он и, запахнув полу на коленке, отвернулся, но сейчас же опять повернулся к брату.

— Ты вот преклоняешься перед машинкой, тебя восхитило то, что ты за две тысячи говорить мог, а это, голубчик, — все чушь, внешнее. Русскую душу, ежели она настоящая, этим ничем не удивишь.

— Да что такое, — внешнее?

— То, в чем души нет. Ясно.

— Я, по крайней мере, думаю, что душа есть там, где работает человеческая мысль, — сказал Андрей Христофорович.

— Так то — дух! — сказал Николай. — Это же дух, — повторил он с улыбкой. — Ты не про то говоришь совсем.

— Нет, пойду орешка принесу, а то скучно так, — сказала Варя.

Она ушла, братья замолчали. Ночь была тихая и теплая. Андрею Христофоровичу не хотелось идти в комнаты, где, он помнил, были клопы, которые пронохали в нем свежего человека.

Прямо перед домом было огромное пространство, слившееся с ржаными полями и уходившее в безграничную даль. Но его все досадно загораживали выросшие целой семьей какие-то погребки, свинарники, курятники, расположившиеся перед окнами в самых неожиданных комбинациях.

— Что, на наше хозяйство смотришь? — сказал Николай. — Удобно. Все на виду. Это Варина мысль. Андрей Христофорович и сам так думал.

— Ну, что ты тут делаешь, когда нет службы? — спросил он.

— Мало ли что... — отвечал Николай.

— Значит, дела много? А я думал, что тебе все-таки скучновато здесь.

— Нет, — сказал Николай, — не скучно. — И прибавил: — Чего же дома скучать? Дома не скучно.

— Ну, а все-таки, что поделываешь?

— Да как сказать... мало ли что? Весной, еще с февраля семена выписываем и в ящиках сеем.

— Какие семена?

— Огурцы да капусту.

— Потом?

— Потом... ну, там сенокос.

— Подожди, как сенокос? Сенокос в июне, а от февраля до июня что?

— От февраля до июня?.. Ну, мало ли что, сразу трудно сообразить. Всякие текущие дела. Да, а попечительство-то! Попечительство, комитет, беженцы, вдруг вспомнил Николай. — Совсем из головы выскочило. У нас дела гибель! Как же, нельзя, — такое время.

— Сколько же ты времени на него тратишь?

— На кого?

— Фу-ты, да на это дело.

— Ну, как сколько? Разве я считаю? Трачу, и только. Да что это тебя интересует так?

— Просто хотелось уяснить себе, как вы тут живете. За литературой, наверное, перестал следить?

— ...Нет, слежу, — не сразу ответил Николай.

— Много читаешь? Ах, как нам нужно научиться работать, не тратить даром ни одной минуты, чтобы наверстать упущенное время. А времени этого — целые века.

— А что ж не наверстаем, что ли? — сказал Николай, — придет вдохновение, и наверстаем.

— Натге орешка, — сказала Варя.

— Нет, спасибо. Зачем же ждать вдохновения?

— А без этого, голубчик, ничего не сделаешь, — сказал Николай, махнув рукой.

— Так его и ждать?

— Так и ждать.

— А если оно не придет?

— Ну, как не придет? Должно прийти. Это немцы корпят и все берут усилием, а мы, брат...

— Да, именно, нужно постоянное усилие, — сказал профессор, — усилие и культура.

— А душу-то, милый, забываешь, — сказал ласково Николай.

— Сейчас на кухню солдатка Лизавета приходила, — сказала Варя, — говорит, мужа ее ранили. И когда это кончится? А потом, говорит, будто крепость какую-то взяли и всю дочиста взорвали, а с ней сто тысяч человек.

— Кто у кого взял?

— Не спросила. Пойдемте ужинать.

— Вот поговорили, а теперь хорошо и закусить, — сказал Николай, ласково потрепав брата по плечу и провожая его первым в дверь.

IV

Андрей Христофорович испытывал странное чувство, живя у брата.

Здесь жили без всякого напряжения воли, без всяких усилий, без борьбы. Если приходили болезни, они не искали причины их и не удаляли этих причин, а подчинялись болезни, как необходимости, уклоняться от которой даже не совсем и хорошо.

Зубы у них портились и выпадали в сорок лет. Они их не лечили, видя в этом что-то легкомысленное.

— Ей уж четвертый десяток, матушке, а она все зубки свои чистит, — говорила про кого-нибудь Липа.

— А уж мать четверых детей, — прибавлял кто-нибудь.

Если у них заболели зубы, они обвязывали всю голову шерстяными платками, лезли на стену, стонали по ночам и прикладывали, по совету Липы, к локтю хрен.

А сама Липа ходила следом и говорила: